

«ИХ РАСКУЛАЧИВАНИЕ — ЭТО БЫЛ ПЕРЕГИБ»

из истории антикрестьянских репрессий на Дальнем Востоке

Василий Геннадьевич МАКАРЕНКО,
кандидат исторических наук

Известно, что в истории СССР и России 30-е гг. XX в. — это период многочисленных целенаправленных репрессий сталинского режима против «подозрительных и неблагонадежных» социальных слоев советского общества, в том числе и крестьянства, имевшего прочные экономические основы существования. Особенно жестокие и массовые репрессии развернулись в 1937—1938 гг. на территории СССР, в том числе и на Дальнем Востоке, где всегда не хватало трудовых ресурсов. Жертвами тоталитарной системы стали наиболее трудолюбивые, предприимчивые хозяева, члены их семей и даже дети, на которых на многие годы тяжким бременем легло клеймо «врагов народа».

В архиве ФСБ по Приморскому краю в начале 1990-х гг. нами исследовано *дело по обвинению группы крестьян*, жителей с. Пайкан Бурейского района Амурской области: Ларченко Моисея Ильича, Провоторова Ильи Федоровича, Сиротенко Никона Емельяновича, Игнатенко Василия Никифоровича. Начато дело 2 марта 1938 г., окончено 20 марта этого же года, а 1 июня 1938 г. все четверо были расстреляны¹. За 18 дней была решена судьба людей, имевших семьи, детей, добротное хозяйство, которые могли бы в перспективе принести немалую пользу государству, не говоря уже о собственных семьях.

Большая часть материалов освещает судьбу крестьянина, хлебороба В.Н. Игнатенко. В начале 1970-х гг. его дочь Давиденко Анна Васильевна обратилась в соответствующие органы (тогда еще КГБ СССР) с просьбой о реабилитации своего отца.

Василий Никифорович Игнатенко до начала коллективизации (1929 г.) был жителем с. Жариково Гродековского района Приморской области, многодетным отцом и «крепким хозяином», середняком, но в результате государственных реформ и социальных катаклизмов конца 20-х — первой половины 30-х гг. оказался ненужным обществу и даже «опасным элементом», врагом Советского государства. Он был выслан из Приморья и оказался на Амуре, в с. Пайкан Бурейского района. В момент ареста в 1938 г. ему было 66 лет.

Из справки о его имущественном положении, подписанной председателем сельсовета пос. Пайкан (Горки Пайканские) Олейником, следует: «...до Октябрьской революции 1917 г. и до 1929 г. В.Н. Игнатенко был зажиточным крестьянином, обрабатывал 15 га земли, имел 2 дома, 3 хозяйственных постройки, 2 плуга, 6 борон, 1 сеялку, 6 лошадей, 6 волов, 6 коров, 10 овец, 8 свиней. Он использовал в хозяйстве одного постоянного работника и 2—3 сезонных. Доходность хозяйства составляла: от обработки земли 9000 руб., от скотоводства — 1800 руб., от торговли 180 руб. (всего около 10 тыс. руб.)»². Все это позволило по политическим критериям 1930-х гг. причислить В.Н. Игнатенко и его семью к «кулацким элементам». (В 1938 г. его имущество состояло из 1 дома, 1 коровы, 1 свиньи)³.

Согласно справке сельского совета с. Пайкан семья В.Н. Игнатенко на момент ареста состояла из «...жены Анны Яковлевны, 1874 г.р., сына Ивана, 1911 г.р., невестки Ульяны Никитичны, 1911 г.р., двух внуков — Николая, 1933 г.р. и Василия, 1937 г.р., внучки Зинаиды, 1935 г.р.»⁴

Арестован В.Н. Игнатенко 28 февраля 1938 г. на основании «сводки» (доноса) завербованного осведомителя или агента НКВД под псевдонимом «Петров»: «Игнатенко кулак, раскулачен в 1929 г., был осужден, баптист, имеет баптистские книги, сборники духовных песен, имел связь с арестованными (НКВД. — В.М.) Калининым Лазарем, Тобиковым. Говорил, что коммунисты обманывают рабочих. В феврале во дворе артели в разговоре с Галендуховым сказал, что «скоро, видимо, будет война»⁵. Эта информация была принята сотрудником НКВД, неким Ли. Затем работнику (следователю) милиции Е.Ф. Богданову⁶ был выдан ордер на арест четырех крестьян с. Пайкан: Ларченко Моисея Ильича, Провоторова Ильи Федоровича, Сиротенко Никона Емельяновича, Игнатенко Василия Никифоровича⁷.

Из анкеты арестованного В.Н. Игнатенко следует, что он «родился 14 января 1872 г. в с. Городище Соснинского уезда Черниговской губернии, малограмотный. Живет в с. Пайкан с 1934 г., построил собственный дом, работал конюхом, сторожем. Из кулаков⁸; в 1929 г. был осужден по ст. 61 УК (за баптизм) на один год принудительных работ»⁹.

Из материалов допроса 21 сентября 1972 г. свидетеля У.Н. Алексейченко, 1911 г.р., невестки В.Н. Игнатенко. До 1933 г. я жила с родителями в деревне Тур Гун (Турий Рог. — В.М.) Ханкайского района Уссурийской области. Здесь познакомилась с Игнатенко Иваном Васильевичем (сын В.Н. Игнатенко. — В.М.), который работал на железной дороге столяром. В 1932 г. вышла за него замуж. Их семья приехала из с. Жариково, где их как будто раскулачили. Свекор Василий Никифорович работал на железной дороге разнорабочим. Хозяйства у них не было. В 1933 г. мы с мужем уехали на разъезд Амур, под Хабаровск, потом переехали в Камень-Рыболов (Приморский край. — В.М.). Все это время муж работал плотником. Примерно в 1935 г. началась в этой местности паспортизация. Мне паспорт дали, а мужу — нет, т.к. он происходил из кулаков. Тем, кому не дали паспортов,

велели выехать из пограничной зоны. Так я с мужем и двумя детьми и свекор с семьей оказались в деревне Пайкан Бурейского района Амурской области. Свекор стал работать конюхом, а муж разнорабочим. Хозяйства не было. Копили деньги на корову, но купить не пришлось. В марте 1938 г. приехал начальник милиции из Буреи Максупов и начал арестовывать мужчин, работавших в Амурском речном пароходстве (АРПе) и в леспромхозе. Остались только те, кто был на руководящих должностях. Арестовали Василия Никифоровича Игнатенко вечером. Пришел Максупов, с ним милиционер, и Морозов Максим (представитель сельсовета. — В.М.). Сделали обыск, забрали какие-то божественные книги, которые иногда читал свекор, и деньги. Всех арестованных увезли в Бурею, потом в Благовещенск. Был ли свекор баптистом, сказать не могу, не знаю. Не видела, собирал ли он баптистские собрания. Во время ареста Василия Никифоровича муж был в командировке, на заготовке дров для АРПа. В апреле он вернулся и поехал в Бурею, чтобы получить паспорт. Остановился на ночлег в общежитии АРПа, но всех, кто там находился, ночью арестовали. Мужа допрашивали: сколько было земли у отца, была ли мельница, магазин в то время, когда они жили в Жариково. Мне это рассказал стажер шофера — его тоже тогда арестовали, но потом отпустили, одного из всех. С тех пор о судьбе свекра мне ничего не известно. Недавно узнала, что он вскоре после ареста в 1938 г. умер где-то на Колыме. Деньги, которые забрали при аресте, так и не вернули... Все арестованные, которых я назвала, работали хорошо... замечаний по работе не имели, жили на честно заработанные деньги... Морозова Максима, он был членом или председателем сельсовета, в августе 1938 г. тоже арестовали...»¹⁰

В 1972 г. прокурор Амурской области в связи с заявлением А.В. Давиденко начал пересмотр архивно-следственного дела по обвинению В.Н. Игнатенко, который, *как следует из материалов проверки*, «Арестован в марте 1938 г., 7 апреля 1938 г. приговорен «тройкой» УНКВД к высшей мере наказания за контрреволюционную агитацию, за распространение слухов о войне, за выступление против мероприятий партии и правительства... Свидетели охарактеризовали всех четверых обвиняемых как кулаков, ярых баптистов...»¹¹

Одновременно прокурором Амурской области пересматривалось и дело И.В. Игнатенко, 1911 г.р., который, как следует из протокола допроса от 4 апреля 1938 г., показал: «...я работал в хозяйстве отца; в 1929 г. отца раскулачили и судили. Документов ему никаких не давали, не принимали нигде на работу, он из Жариково сбежал. В 1930 г. работал на временных работах во Владивостоке, в 1931 г. на станции Камень-Рыболов. В 1933 г. по паспортизации выслан из пограничной полосы, работал в Яковлевском районе Уссурийской области, в 1934 г. был снова выслан как беспаспортный, и переехал в дер. Пайкан Бурейского района Амурской области. В 1938 г. обвинялся как социально-вредный элемент и решением тройки от 07.06.1938 г. приговорен к лишению свободы на 4 года...»¹²

В ходе прокурорской проверки 8—25 сентября 1972 г. были опрошены в качестве свидетелей старожилы с. Жариково Пограничного района Приморского края Павел Иванович Ульяновченко, Дмитрий Иванович Игнатенко, Герасим Иванович Игнатенко, Павел Федотович Чеботарь, Николай Иванович Пахомов. Василия Никифоровича Игнатенко, все они охарактеризовали положительно.

Д.И. Игнатенко, 1912 г.р.: «...Василий Никифорович — мой дядя. Приехал в село в числе первых переселенцев с Украины, вместе с моим отцом — Иваном Никифоровичем. Дядя был середняком, имел дом и мельницу, которую содержали совместно еще с двумя жителями... На мельнице работали сами. Наемную рабочую силу не использовали. В коллективизацию он был выслан, куда — неизвестно...»¹³

Показания Г.И. Игнатенко, 1903 г.р.: «Василий Никифорович — мой дядя. Приехал в Жариково в детском возрасте, с родителями, в числе первых переселенцев, с Украины. Семья у него была большая: три сына — Яков, Иван, Григорий и четыре дочери. Их возраст к моменту раскулачивания отца я не помню... Совместно с двумя другими жителями села он имел 1/3 часть мельницы. В каком году и за что был выслан, не знаю. Вроде бы он выехал сам и проживал в с. Надеждинском. Было ли у него недовольство к Советской власти — я такого не слышал. Характеризовался он положительно, был спокойным, рассудительным... И его сын Иван был такой же...»¹⁴

Н.И. Пахомов, 1897 г.р.: «В.Н. Игнатенко знаю с 1920 г. Семья у него была большая. По имущественному положению он был середняк. Имел два дома, три лошади, две коровы... В начале 1929 г. он был выслан, но куда и за что — не знаю. Политически вредных высказываний я не слышал от него»¹⁵.

П.Ф. Чеботарь, 1909 г.р.: «В.Н. Игнатенко знаю с детства. В Жариково он приехал в 1882 г. в числе первых переселенцев из Черниговской области. Был раскулачен, т.к. выделялся по имущественному положению. Его выслали примерно в 1930 г. в район р. Зеи»¹⁶.

П.И. Ульяновченко, 1908 г.р.: «В.Н. Игнатенко знаю с 1925—1926 гг. В Жариково он приехал в числе первых переселенцев; из кулаков, имел 2 дома личных, 1/5 часть мельницы, сдавал землю в аренду корейцам, под рис»¹⁷. Использовал ли он наемную рабочую силу на мельнице, я не помню... Куда выслан, не знаю. Его дома и мельница были конфискованы и переданы в коммуну. Другие хозяева мельницы — Храпатый Владимир, Дробинко Павел, Глушаков Алексей также раскулачены и высланы»¹⁸.

7 сентября 1972 г. была допрошена дочь *В.Н. Игнатенко* — *Анна Васильевна Давиденко*: «В.Н. Игнатенко — мой отец. До 1929 г. наша семья — отец, мать и 13 детей жили в с. Жариково. В 1929 г. отца раскулачили и выслали с семьей из села. Начались наши скитания по Приморскому краю. Жили в Нестеровке, в Турьем Роге, в Астраханке, в Чугуевке. Потом отец меня отвез к старшей сестре в Спасск... С тех пор с отцом я больше не виделась.

С началом паспортизации отца с матерью вместе с другими раскулаченными выслали в Бурею Амурской области. В 1938 г. я получила письмо от матери, где она сообщала, что отца и брата Ивана арестовали. Дальнейшая их судьба мне была неизвестна до последнего времени. Их арестовали якобы за контрреволюционную деятельность. Не могу поверить. Многие из раскулаченных убегали в то время за границу, но отец говорил: «Меня здорово обидели, но Родины своей я не предаю и детей своих никуда за границу не поведу». Единственный его недостаток — религиозность. Но такое тогда было время. Недавно я узнала, что отец и брат умерли в заключении. Это очень тяжело. Я не верю в их преступления и просила бы снять обвинения, хотя бы с умерших, и снять тем самым тяжесть с моей души»¹⁹.

Вопрос следователя: «Расскажите об имущественном положении вашей семьи».

Ответ: «В 1929 г. нас было 11 человек детей, отец и мать, двое братьев умерли, 4 сестры были замужем и жили отдельно. Один брат (Иван. — В.М.) был женат и жил с нами. Дом у нас был старенький, потом построили новый, пятистенный, но было тесно, даже спать тесно было. Было две лошади, две коровы, несколько телят и жеребят, овцы, куры. Работников не держали, сами работали от зари до зари. Из крупного сельхозинвентаря у нас ничего не было. Я думаю, что отца раскулачили потому, что он имел в совместном пользовании в числе 8 селян мельницу, но они имели разрешение на ее содержание. Одевались мы плохо — такое было наше имущественное положение».

Вопрос следователя: «Кто мог бы дать характеристику (вашему. — В.М.) отцу?»

Ответ: «По соседству жили Тищенко. Их дочь — Куприенко Мария Федоровна. Она на 10 лет старше меня, и ее муж Николай. Они живут в Уссурийске. В с. Жариково живет мой двоюродный брат Игнатенко Онуфрий Игнатьевич и наш дядя Меланич Михаил Яковлевич».

Из протокола допроса Куприенко Николая Васильевича, 1907 г.р.: «...В.Н. Игнатенко знаю плохо. Он имел какую-то долю мельницы. Крупного сельхозинвентаря у них не было. Хата плохая, старая. Слышал, что их раскулачили и выслали. О дальнейшей их судьбе ничего не знаю. Но я точно знаю — их семью раскулачили неправильно, не были они кулаками. Ведь такую семью надо было содержать: одевать, обувать, кормить, учить. Их раскулачивание — это был перегиб»²⁰.

Из протокола допроса Куприенко Марии Федоровны, 1910 г.р.: «Ничего плохого о семье Игнатенко В.Н. сказать не могу. Люди были хорошие, приветливые, отзывчивые. Семья большая — 11 детей... Мы их считали бедняками. Работников они не держали — работали сами. Жили в плохонькой, покосившейся хатёнке, потом построили новую, но тоже не очень большую. Была у них пара коней для пахоты. Тогда это было узаконено, у многих семей были кони, коровы, телята... У них даже хлев, где содержали животину, был крыт соломой, и крыша была вся худая»²¹.

Из протокола №31 заседания Жариковского сельсовета от 16 ноября 1929 г.: «О наложении штрафа на злостных неплательщиков хлебных излишков к сроку»: «...Подвергается штрафу кулацкое хозяйство В.Н. Игнатенко. К сдаче по плану причиталось (в пудах): рис — 200, пшеницы — 440, льна, бобов — 50, всего — 920 пудов. Сдано к сроку (в пудах): рис — 200, пшеницы — 76, овощей — 152, льна, бобов — 43, всего — 471»²².

Из ведомости «...по учету зерна, конфискованного от кулацко-зажиточной части с. Жариково по постановлению от 15.01.1930 г., у Игнатенко В.Н. подлежало конфискации 455 пудов. Конфисковано 256 пудов»²³.

В списке кулацких хозяйств Гродековского района, раскулаченных и оставленных невосстановленными (как середняцкие. — В.М.), за 1929—1930 окладной год по с. Жариково значится Игнатенко В.Н.²⁴

Из протокола №2 заседания Гродековской налоговой комиссии Владивостокского округа ДВК от 20 августа 1930 г.: В списке «...кулацких хозяйств, имущество которых передано в коммуны», обозначено в числе других имущество «Игнатенко В.Н.»²⁵.

В рамках прокурорской проверки 2 октября 1972 г. в г. Благовещенске Амурской области был допрошен Калинин Алексей Никитович, 1917 г.р., из дер. Загорье Бурейского района: «Я живу в пос. Пайкан со дня своего рождения. Отсутствовал только во время войны — с 1942 по 1945 г. Помню, что в 1934—1935 гг. в поселок прибыла большая группа семей (10—15) переселенцев... Раньше все они жили вблизи советско-китайской границы, а затем были отселены от нее за 100 км от пограничной зоны... Еще раньше — в 1930—1933 гг. — в Пайкан привезли под охраной семьи раскулаченных и заставляли их работать по сельскому хозяйству, в колхозе. Я помню семью Игнатенко В.Н. и других... Они были старше 50 лет, были у них дочери и сыновья... В Пайкане тогда было 50 дворов, в Загорье — 30, поэтому все люди были на виду, знали друг друга хорошо. Приезжавшие работники НКВД говорили, что среди жителей «есть враги народа», но поджогов, убийств, антисоветских листовок и слухов в поселке не было... В 1937 г. я стал работать секретарем сельского совета Горки Пайканские. По долгу службы мне приходилось бывать у каждого жителя села, в том числе и у Игнатенко. Хозяйства они не имели, работали в леспромхозе АРПа, на заготовке дров и сена. Замечаний к ним по их работе не было. Налоги платили аккуратно, недоимок не имели. Об антисоветской или баптистской деятельности В.Н. Игнатенко я ничего не знаю и не слышал ни от кого. В апреле—мае 1937 г. были арестованы жители нашего села — Калинин Лазарь, Беликов Никита, Капшай Петр, Тобилов Тимофей — за антисоветскую деятельность. Это я узнал только в Благовещенске, на суде, а когда их арестовывали, никто не мог сказать, за что. Второй арест был осенью 1937 г., арестовали двух братьев Морозовых, бывших партизан, как врагов народа, за что — не знаем и сейчас. Третий арест — в марте 1938 г., арестовали 23 жителя села... Это был последний групповой арест в Пайкане, потом арестов у же

больше не было. Обычно аресты происходили вечером. Приходил милиционер Богданов с двумя понятыми, делали обыск и арестовывали. Арестованных в марте 1938 г. — 23 чел. отправили на машине на станцию Буряя, а потом по железной дороге в Благовещенск. Я поехал вместе с арестованными до Буреи, т.к. был вызван на суд (судили тех четверых, которых арестовали в апреле-мае 1937 г.). На суде я проходил как свидетель, как секретарь сельского совета; их судили за антисоветскую агитацию; вроде бы они пели непотребные частушки. А что было с теми 23-мя, я не знаю. Слышал, что всех их сослали на Колыму. Я их больше не видел и не слышал, чтобы кто-то из них вернулся. По роду службы мне приходилось иметь дело с милиционером Богдановым. Я видел у него чистые бланки ордеров на арест, с печатями и подписями. Арестовывали в то время в основном простых рабочих. Богданов говорил, что это враги народа... В то время была очень нервная обстановка, многие жители поселка Пайкан и близлежащих хуторов заранее готовили себе котомку с бельём и харчами на случай ареста. За Игнатенко В.Н. и другими не замечалось антисоветской, враждебной деятельности. Справки на арестованных жителей с. Пайкан подписаны председателем сельсовета Горки Пайканские Олейником, некоторые справки — «за председателя сельсовета» Шмариним. Кем они написаны, я не знаю — почерк мне не знаком. Все справки на арестованных должны были подписывать или Олейник, или я, но почему они подписаны Шмариним, я не знаю. Печать хранилась у председателя сельсовета Олейника. Помню, в 1937 или в 1938 г. наша круглая гербовая печать была утеряна. Печать на справках, имеющих в деле, не нашего сельсовета; видно, что это печать Бурейского райисполкома... Шмарин Петр Васильевич сейчас живет в Пайкане. Свидетели — Кузьмин Николай Иванович и Кизимова Александра Ильинична, о них сведений нет... Голендухин Моисей Петрович был арестован в 1938 г., судьба его мне неизвестна. Свидетель Дороминский Иван Васильевич умер вскоре после войны...»²⁶

В материалах дела также имеются сведения о Тобикове Тимофее Васильевиче, 1909 г.р., уроженце дер. Заозерье Могилевской губернии, проживал в дер. Загорье Бурейского района, осужден 7 марта 1938 г. выездной сессией специальной коллегии краевого суда по статье 58=10, части 1 к 6 годам лишения свободы (архивно-следственное уголовное дело находится в Центральном архиве ФСБ в г. Омске, № 90466)»²⁷; о Беликове Григории Никитиче, 1908 г.р., уроженце дер. Удобная Кубанской области, жителе с. Пайкан, работал конюхом. Арестован 13 августа 1938 г. Осужден тройкой УНКВД 15 октября 1938 г. к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 26 октября 1938 г. (архивно-следственное уголовное дело находится в Центральном архиве ФСБ в г. Омске, № 222340 «ОФ», АУ 3145)»²⁸.

Репрессиям подвергались и те, кто совсем недавно сам арестовывал ни в чём не повинных людей.

Из протокола осмотра личного дела № 3123 (из архива 1 спецотдела УВД Амурского облисполкома) «...младшего лейтенанта милиции Максупова Петра Ивановича, 1905 г.р., уроженца дер. Гладковки Иманского района Приморского края. Работал в НКВД на разных должностях с 1929 по 1938 г., в том числе начальником Буреинского районного отдела рабоче-крестьянской милиции УНКВД по ДВК с 1935 по 1938 гг., на этом посту был арестован особой инспекцией 21 декабря 1938 г. и предан суду за нарушение революционной законности»²⁹. В материалах дела имеются сведения и о других нарушениях социалистической законности со стороны П.И. Максупова. Так, в феврале 1936 г. начальнику особой инспекции ГУРКМ НКВД Нагорному, начальнику политотдела ГУРКМ в г. Москве и военному прокурору КПВО ДВК начальником особой инспекции УРКМ Чернявским было направлено из Хабаровска донесение № 31201 «...на предмет получения санкции на предание суду начальника РОМ Максупова и старшего уполномоченного Урвысоева по статье 193-17 П «а» за проявленную халатность, злоупотребления и нарушение постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 г.»³⁰ (Документов и сведений о дальнейшей судьбе арестованного Максупова не имеется. — В.М.).

25 июля 1939 г. на заседании военного трибунала войск НКВД бывший сотрудник НКВД Амурской области Калугин при допросе показал, что в 1938 г. «...к арестованным применялись физические методы... Лично мне заместитель начальника областного управления НКВД И.В. Панежа давал... указания применять к допрашиваемым какие только можно пытки, чтобы они сознавались в контрреволюционных преступлениях»³¹.

3 октября 1972 г. следственными органами УКГБ Амурской области было установлено, что доказательствами по обвинению крестьян, жителей с. Пайкан Бурейского района Амурской области Ларченко Моисея Ильича, Провоторова Ильи Федоровича, Сиротенко Никона Емельяновича, Игнатенко Василия Никифоровича послужили рукописные справки, выданные Горки Пайканским сельским советом и подписанные «за председателя сельсовета» Шмариным³². 16 сентября 1972 г. Шмарин пояснил, что справки он подписывал по принуждению со стороны работника НКВД Богданова.

17 октября 1972 г. проведена почерковедческая экспертиза, на основе которой установлено полное совпадение графических особенностей общей и частной характеристик (обвиняемых. — В.М.). Таким образом, стало ясно, что исполнителем этих документов являлось одно и то же лицо. Установлено, что тексты справок сельсовета, рукописные тексты в биографических данных и рукописи протоколов допросов свидетелей выполнены следователем Богдановым³³.

Из обзорной справки по архивно-следственным делам на бывших сотрудников УНКВД Амурской области: «...за нарушение социалистической законности в период 1937—1938 гг. осужден бывший начальник

Бурейского РО НКВД Евстрахин Яков Георгиевич по статье 193-17 П «А» УК РСФСР к 7 годам исправительно-трудовых лагерей»³⁴.

Из материалов архивно-следственного дела по обвинению жителей с. Пайкан Бурейского района Амурской области Ларченко Моисея Ильича, Провоторова Ильи Федоровича, Сиротенко Никона Емельяновича, Игнатенко Василия Никифоровича, допрошенных 19—20 марта 1938 г.: «Виновными себя в проведении контрреволюционной агитации не признали и заявили, что антисоветской деятельностью не занимались, а показания свидетелей (Н.И. Кузьмина, А.И. Кизимовой. — В.М.) отрицали. Других доказательств, кроме показаний свидетелей, нет. Таким образом, при рассмотрении данного дела «...были нарушены нормы уголовно-процессуального закона: постановлений о привлечении в качестве обвиняемых не выносилось, юридической квалификации их действий нет, очных ставок со свидетелями не производилось, обвиняемые с материалами уголовного дела не были ознакомлены»³⁵.

В 1972 г. в ходе прокурорской проверки при опросе бывшего и.о. председателя сельского совета Горки Пайканские Шмарина выяснилось, что справки сельского совета были составлены и написаны оперуполномоченным Бурейского РО НКВД следователем Богдановым, который принуждал его, Шмарина, их подписывать, угрожая, что «в случае отказа посадит в тюрьму»³⁶. Таким образом, «...работники УНКВД по Амурской области принимали участие в расследовании группового дела баптистов в 1937—1938 гг. и допустили нарушения социалистической законности»³⁷. Так, не было получено прямых доказательств в совершении обвиняемыми контрреволюционной и антисоветской деятельности, выступлений против мероприятий партии и правительства, распространении слухов о приближении войны. Арестованы все четверо без санкции прокурора. Показания свидетелей о политической неблагонадежности обвиняемых, их антисоветских настроениях, проведении баптистской деятельности, их призывах против мероприятий Советской власти прокурором Амурской области признаны *неконкретными*³⁸.

Всего в ходе прокурорской проверки в сентябре—ноябре 1972 г. было допрошено 16 свидетелей, которые не дали показаний об антисоветской деятельности осужденных. На этом основании постановление тройки УНКВД по ДВК от 7 апреля 1938 г. в отношении Ларченко Моисея Ильича, Провоторова Ильи Федоровича, Сиротенко Никона Емельяновича, Игнатенко Василия Никифоровича прокурором области было отменено, «...дело за отсутствием в их действиях состава преступления производством прекращено по статье 208 УПК РСФСР («за недоказанностью участия обвиняемых в совершении преступления»), и они были реабилитированы постановлением Амурского областного суда под председательством И. Ненахова 21 марта 1973 г.»³⁹

25 мая 1973 г. Благовещенским горфинотделом дочери В.Н. Игнатенко — Давиденко Анне Васильевне была возмещена (переведена в г. Ус-

сурийск. — **В.М.**) конфискованная у ее отца при аресте денежная сумма (960 руб.) с учетом проведенных двух денежных реформ (1947 и 1961 гг.) — 9 руб. 60 коп.⁴⁰

Казалось бы, можно поставить точку в исследовании материалов дела, но дочь В.Н. Игнатенко — Давиденко Анна Васильевна — направила в Управление КГБ по Приморскому краю *письмо* ((зарегистрировано 15 августа 1990 г.): «...фамилия моя девичья Игнатенко Анна Васильевна, 1917 г.р., 15 октября; родилась в с. Жариково Гродековского района Приморского края в семье крестьянина Игнатенко Василия Никифоровича. Мать Игнатенко Анна Яковлевна. Крестилась в с. Новоселище, есть запись в Камень-Рыболовском загсе. В семье было 13 детей, я — предпоследняя... Знаю, что сначала в 1929—1930 гг. у нас забрали все зерно на сдачу, но не хватило... и отца забрали; потом отца судили, не одного, а группу. Приговор отцу — принудительные работы и конфискация имущества. Отца домой больше не отпустили, это было осенью, а зимой нас выбросили из дома. У нас забрали все: посуду, столы, кровати...»⁴¹

Из протокола № 73 внеочередного заседания Гродековского райисполкома от 2 января 1930 г.: «...рассмотрена и утверждена опись имущества (для продажи сельским советом в счет долга за неуплату штрафа за несдачу хлебных излишков⁴² (которых, может быть, и не было в семье, где имелось 13 детей. — **В.М.**) семьи Игнатенко В.Н.: дом под цинком — 1 (75 руб.); амбар под дранкой — 1 (25 руб.); сарай-навес под соломой — 2 (20 руб.); бревна сосновые — (2 руб.); конные грабли — 1 (10 руб.); телеги на деревянном ходу — (8 руб.); бороны деревянные — 2 (3 руб.), лошади — 1 (30 руб.), лошадь-подросток — 1 (20 руб.), корова — 1 (20 руб.), быки-подростки — 2 (10 руб.), свиньи — 2 (20 руб.), овцы — 8 (8 руб.), куры — 10 (1 руб.), гуси — 3 (18 руб.), сани — 2 (3 руб.), хомуты — 2 (4 руб.), столы — 3 (3 руб.), шкафы — 1 (2 руб.), табуреток — 2 (цена не обозначена. — **В.М.**), ящиков — 2 (3 руб.), кровати деревянные (3 руб.), чугуны — 4 (3 руб.), ведра — 2 (цена не обозначена. — **В.М.**), кадушки цинковые — 1 (1 руб.), мисок — 5 (1 руб.), тарелок — 4 (цена не обозначена. — **В.М.**), кружек — 8 (цена не обозначена. — **В.М.**), ложек — 10 (цена не обозначена. — **В.М.**), пшеница — 8 пудов (15—20 руб.), **итого** 291—306 руб. (это стоимость «кулацкого имущества», в расчете на семью в 15 чел. — **В.М.**)». 1 февраля 1930 г. данное имущество было реализовано Жариковским сельским советом. В коммуны передано домов — 2, амбар — 1, сарай — 1»⁴³.

Продолжение письма Давиденко Анны Васильевны: «Мы ушли из дома, в чем стояли... Мы жили в старой хате. А новую только построили и ее достраивали и только перешли в новую, как нас оттуда выбросили... Хозяйство: две коровы и несколько подростков, овец 16, лошади — две рабочие и подростки... Это то, что я знаю, знаю, что жили бедно⁴⁴. Так мы и пошли скитаться по чужим углам и зарабатывать на хлеб... Дети подрастали и уходили работать... Я уже в 15 лет ходила по людям, выполняла

посильную и непосильную работу... в 16 лет чудом получила паспорт в военном совхозе, где работала на уборке урожая, уехала на завод, и еще во многих местах работала — *дочери кулака места нигде не было*. Отца и брата Ивана выселили в Бурейский район, с. Пайкан, там они и жили до 1938 г. В марте их взяли, отца расстреляли, а брата отправили на Колыму, где он и умер... Где я только не жила... Опорочили... мое имя и имя моих честных родителей. В 12 лет я стала государственным преступником... За эти все годы столько наболело, что и не умещается во мне... и я решила... получить документ, что *я больше не дочь врага народа*. Может это прекратит мои мучения, и я спокойно доживу остаток своей жизни. Наш род никогда не был замешан ни в каких неблагоприятных делах, за что же на меня возвели такую напраслину?.. За какие такие преступления меня обвиняют все 60 лет (моей. — В.М.) жизни?»⁴⁵

Таким образом, анализ приведенных архивных материалов свидетельствует о целенаправленной политике тоталитарного государства по ликвидации экономической базы (путем раскулачивания) крепких единоличных крестьянских, в том числе и середняцких, хозяйств. Это закономерно сопровождалось крайне жестоким отношением властных структур к потенциальным «классовым врагам», разрушением семейных, родственных связей и судеб многих людей.

¹ Архив ФСБ по Приморскому краю (далее АФСБ ПК). П. 73941, л. 1—12, 190.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 12, 12 об.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 108—110.

⁷ Там же. Л. 15.

⁸ Корчевский А.И. Мои деды и прадеды — переселенцы // Приморское село Жариково: документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, Информ.-реклам. агентство «Комсомолка ДВ», 2004. С. 10—13.

⁹ АФСБ ПК. П. 73941, л. 25, 13.

¹⁰ Там же. Л. 113, 113 об., 114, 114 об.

¹¹ Там же. Л. 117.

¹² Там же. Л. 117—119.

¹³ Там же. Л. 123, 123 об.

¹⁴ Там же. Л. 124.

¹⁵ Там же. Л. 125.

¹⁶ Там же. Л. 126, 126 об.

¹⁷ Сдача земли в аренду, в том числе и под выращивание риса, была узаконена Гродековским районным исполнительным комитетом в 1928 г. ГАПК. Ф. 179, оп. 4, д. 16, л. 68, 63, 69, 77, 85, 87, 121.

¹⁸ В с. Жариково в сентябре 1929 г. была создана красноармейская коммуна из демобилизованных военнослужащих (председатель — 25-летний комсомолец Акуленко Герасим Васильевич). См.: АФСБ ПК. П. 73941, л. 127, 127 об.; Знамя Октября (газета Пограничного района Приморского края). 1989. 4 февр.

¹⁹ С 1928 г. в Гродековском районе Приморской области отмечена тенденция бегства отдельных людей и семей, особенно раскулаченных или намеченных к раску-

- лачиванию, за границу, в Китай. По распоряжению Гродековского РИКа имущество «сбежавших» должно было учитываться сельскими советами и передаваться крестьянским комитетам. ГАПК. Ф. 179, оп. 4, д. 16, л. 36.
- ²⁰ АФСБ ПК. П. 73941, л. 133—134.
- ²¹ Там же. Л. 134, 134 об., 136, 136 об.,
- ²² Там же. Л. 137.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 137—138; ГАПК. Ф. 179, оп. 4, д. 19, л. 6, 55; д. 24, л. 69, 87; д. 25, л. 26—27.
- ²⁶ АФСБ ПК. П. 73941, л. 143, 143 об., 144, 144 об., 145, 145 об.
- ²⁷ Там же. Л. 150.
- ²⁸ Там же. Л. 151.
- ²⁹ Там же. Л. 153—154.
- ³⁰ Там же. Л. 154.
- ³¹ И. В. Панежа, будучи арестованным в 1938 г. за нарушение социалистической законности, покончил жизнь самоубийством. Архивное дело по обвинению Калугина хранилось в начале 1970-х гг. в архиве № 1 спецотдела УВД Амурского обл. исполкома. Там же. Л. 155.
- ³² Там же. Л. 157.
- ³³ Там же. Л. 157, 159, 160, 161, 165.
- ³⁴ Обзорная справка хранится в деле следователей группы УНКВД по Амурской области, № 1902 от 29.06.1955 г. Справку составил 20.06.1955 г. зам. военного прокурора ДВО по спецделам подполковник юстиции Дубровинский. См.: там же. Л. 178.
- ³⁵ Там же. Л. 181.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Л. 72, 153—155, 178.
- ³⁸ Там же. Л. 190—191.
- ³⁹ Там же. Л. 183, 192, 194.
- ⁴⁰ Там же. Л. 200.
- ⁴¹ Там же. Л. 205, 205 об.
- ⁴² В июне 1928 г. в села Приморской области, впрочем, как и в другие села региона и страны, были разосланы уполномоченные для выявления у крестьян хлебных «утаек» и излишков (чтобы их конфисковать и тем самым выполнить спущенный «сверху» план хлебозаготовок). 25 июня 1928 г. представитель окружного РИКа Лобанов отмечал: «План хлебозаготовок, видимо, выполнен не будет. Сельские советы бездействуют, председатели сельсоветов пьянствуют. Беднота сдала зерно еще осенью, а летом у них и взять нечего. За 10 лет существования нашего государства крестьяне еще не уяснили экономической политики Советской власти. ГАПК. Ф. 179, оп. 4, д. 16, л. 81—82, 85.
- ⁴³ АФСБ ПК. П. 73941, л. 210; ГАПК. Ф. 1462, оп. 10, д. 2, л. 7 об; д. 1, л. 2 об; л. 5, 8; ф. 179, оп. 4, д. 19, л. 90; л. 155—156; д. 25, л. 42; д. 24, л. 69.
- ⁴⁴ ГАПК. Ф. 179, оп. 4, д. 16, л. 85, 86; Проскура Л. И. Сталинская коллективизация на Дальнем Востоке России // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое положение стран АТР: материалы междунар. науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2007, ч. 1. С. 226—233; ГАПК. Ф. 179, оп. 4, д. 16, л. 37.
- ⁴⁵ АФСБ ПК. П. 73941, л. 205, 205 об., 206—207.

SUMMARY: Candidate of Historical Sciences Makarenko Vasilii in his paper reveals the fates of persons who were subjected to repressions in the end of 20—30s of the XX century.